

Антон
Первушин

РУССКОЕ
ОРУЖИЕ

Пираты XXI века

Операция
«Испаньола»

Пираты XXI века

Антон Первушин

**Резец небесный
(Операция «Испаньола»)**

«Автор»

2000

Первушин А. И.

Резец небесный (Операция «Испаньола») / А. И. Первушин — «Автор», 2000 — (Пираты XXI века)

Конец XX века. Россия на грани экономической катастрофы. Русская армия брошена государством на произвол судьбы, прозябает в голоде и нищете. В то же самое время молодая мусульманская республика, имеющая территориальные претензии к Российской Федерации, готовит при содействии НАТО военное вторжение. Пилоты авиационной части 461-13«бис» не хотят мириться со всем этим. Они становятся «воздушными пиратами» и берутся за оружие. И не только для того, чтобы выжить, но и для того, чтобы победить.

© Первушин А. И., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвёртая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Антон Первушин

Резец небесный

(Операция «Испаньола»)

Пользуясь случаем, автор хотел бы выразить искреннюю признательность тем, кто помогал ему в работе над циклом «Пираты XXI века»:

Андрею Балабухе, высказавшему ряд ценных замечаний и предоставившему необходимую литературу; жене Елене Первушиной, потратившей немало часов на поиски исторических материалов; а также тем из любителей современной авиации, кто нашёл в себе силы прочесть книги из цикла о «воздушных пиратах» и высказать своё мнение (поимённо в алфавитном порядке): Михаилу Авраменко, Михаилу Акопову, Алексею Волчанскому, Юрию Гаврюченкову, Игорю Гречину, Валентину Давыдову, Евгению Двуреченскому, Сергею Ефимову, Евгению Ибрагимову, Павлу Козику, Всеволоду Колобакину, Олегу Левкину, Леониду Механикову, Роману Нафтулину, Борису Орлову, Евгению Петрову, Сергею Платову, Александру Прозорову, Василию Пушкарёву, Сергею Раму, Илье Рамиевичу, Кириллу Рожину, Александру Рычкову, Дмитрию Срибному, Антону Цюпке, Герману Тюомайнену, Владимиру Урубкову, Владиславу Франку, Дмитрию Шведову, Павлу Шумилову.

Читателям автор хотел бы сообщить, что все события, описанные в цикле «Пираты XXI века», являются авторским вымыслом, а всякое совпадение имён личных и нарицательных, названий фирм, организаций, стран и континентов с реально существующими не более, чем случайность.

Пролог

Алексий, Лёха и Костяй

(Прибалтика, июль 1979 года)

Солнце садилось.

Трое мальчишек – по четырнадцать лет каждому – спустились по вытоптанной тропке к воде. Один из них – толстый и коротко стриженный – по прозвищу «Отец Алексей», полученному за густой, совершенно не мальчишеский бас, присел на мокром песке, подставил ладонь лениво набегающей волне. Второй – чернявый, смуглый и маленький – которого одно-классники называли просто Лёхой, взобрался на прогретый за день валун и растянулся на нём с блаженной улыбкой. Третий подросток, отличавшийся длинными – почти до плеч – льняными волосами, сам высокий и худой до нескладности, по имени Костя (первая производная – Костяй) остался стоять, прищурясь и сложив пальцы правой руки наподобие козырька: он смотрел на заходящее солнце.

– Клёвый фильм, – изрёк наконец Лёха, переворачиваясь на бок и подкладывая руку под голову.

– Угу, – откликнулся Алексей.

Костяй промолчал.

– Мне особо этот понравился – стармех, – развил мысль Лёха. – Как он их всех! И этого – японца – как он его!

– Почему ты думаешь, что он японец? – заинтересовался Алексей.

– А кто же он? – удивился Лёха.

– Ну... китаец, например... – высказал предположение Алексей.

– Китаец он... как же... Китайцы маленькие все! – не унимался Лёха.

– А ты их видел? – продолжал напирать Алексей.

– По телику видел, – защищал свою версию Лёха.

– Не по телику, а в натуре – видел? – настаивал Алексей.

– А ты японцев в натуре видел? – ответил вопросом на вопрос Лёха, чем исчерпал наметившуюся дискуссию.

С минуту они молчали: Алексей – подбирая новый аргумент, но не находя его, а Лёха – победно улыбаясь. Тут слово взял Костяй. Он отнял руку ото лба и сказал, имитируя голос Капитана в исполнении замечательного актёра Вельяминова:

– «Не нравится мне это. Что-то уж больно тихо».

Лёха прыснул: имитация удалась.

– Я же говорю: клёвый фильм, – повторил он уже высказанный ранее тезис. – А как стармех под водой нырял – это вообще!..

– А мне больше нравится, когда они ещё на «Нежине», – признался Алексей.

– Это когда тонут? – уточнил Лёха.

– Ага, – подтвердил догадку Алексей. – Просто здорово снято.

– Мне только один эпизод непонятен, – сказал Костяй, во второй раз за сегодняшний вечер взяв слово. – Почему «нежинцы» сначала передали в эфир «SOS» и свои координаты, а потом на вельботе отправились совсем в другое место?

Лёха даже не нашёл, что ответить. Такой взгляд на один из сюжетобразующих эпизодов фильма оказался для него совершенно неожиданным.

– Тебе что, фильм не нравится? – агрессивно осведомился он после мучительной паузы.

Костяй вздохнул.

– Нравится, – сказал он. – Только это лажа.

– Ну ты вообще! – обиделся Лёха за создателей фильма и прежде всего за сценариста Станислава Говорухина и режиссёра-постановщика Бориса Дурова. – Сам-то понял, что сказал?!

В возмущении Лёха даже вскочил и теперь стоял на валуне в полный рост. Костяй снизу вверх внимательно посмотрел на него.

– Не люблю, когда режиссёрская лажа помогает героям, – заявил Костяй смело. – Герои сами разберутся, что к чему. Иначе они – не герои.

Для четырнадцатилетнего подростка сказано было сильно, и Лёха снова замолчал. Он, в общем, был в курсе, что Костяй славен не только безусловным превосходством в беге на короткие дистанции, но и мудрёными суждениями, ставящими порой в тупик и самых «прогрессивных» из учителей. Суждения эти обычно попадали в «яблочко», а потому спорить с Костяем было трудно. Если вообще возможно.

– Но ведь фильм клёвый? – на всякий случай переспросил Лёха.

Костяй снова вздохнул.

– Фильм хороший.

– Так чего же тебе ещё надо?! – возмутился Лёха.

– Да-да, чего тебе надо? – поддержал его Алексей.

– Достоверности, – ответил Костяй с таким видом, словно уже и не чаял, что его когда-нибудь поймут.

Вот тут Лёха нашёл ответ. Он его, конечно же, не сам придумал, а услышал как-то по телевизору из уст какого-то деятеля культуры, который то ли подвергал кого-то критике, то ли, наоборот, подвергался.

– «Главное не в достоверности обстоятельств, главное в достоверности героев»!

Эта мудрёная фраза выскочила из Лёхи с лёгкостью необыкновенной, что его самого порадовало, а отца Алексея удивило настолько, что тот даже приоткрыл рот и отступил от Лёхи на шаг-другой, как от прокажённого. Костяй же широко улыбнулся и сказал так:

– Тогда самые достоверные в этом фильме – пираты.

– А вот это точняк, – согласился Лёха и улыбнулся в ответ.

– Ну хватит, – встрял так ничего и не понявший Алексей. – В санатории уже хватились, наверное. Идём?

– Идём, – кивнул Лёха.

Он пошёл вперёд и вверх по тропинке, за ним двинулся Алексей.

А Костяй приотстал, задержавшись на берегу, и ему вдруг на мгновение показалось, что не тёплую и тёмно-изумрудную воду Балтийского моря он видит перед собой, а тяжело ворочающийся чёрный и стылый океан под низким свинцовым небом. Костяй сморгнул, и видение растаяло, не оставив следа.

На следующий день трое мальчишек пойдут смотреть фильм «Пираты XX века» во второй раз. Они не знают и ещё не скоро узнают, что им тоже предстоит стать пиратами – пиратами на изломе веков.

Глава первая Контрабандисты

(Баренцево море, октябрь 1997 года)

- Волнушка, ты его видишь?
- Боровик, вижу цель хорошо.

Старший лейтенант Алексей Лукашевич действительно видел цель. Пока ещё не визуально, но этого ему и не требовалось. Главное – цель засёк и распознал бортовой радиоэлектронный комплекс. Отражённый катером контрабандистов сигнал в долю секунды был преобразован системой поиска и ведения цели, после чего выдан в виде засветки на индикаторной панели.

«Ну и шпарит! – подумал Алексей; он захватил цель радиолокационным прицелом, на панели сразу же появились её характеристики: скорость, удаление, азимут. – Тридцать узлов! Не удивительно, что пограницы достать его не могут: это же на пределе „тридцать пятки“».

«Тридцать пяткой» Лукашевич называл сторожевой корабль класса «Бдительный», в номенклатуре проходивший под обозначением 1135. Три десятка узлов – это действительно на пределе скоростных возможностей сторожевиков такого класса. Однако это же – предел для большинства существующих катеров. И «тридцать пятка» – Алексей присмотрелся ко второй засветке с пометкой «свой» – «тридцать пятка» отставала!..

«Ого-го-го! – подумал Лукашевич. – Наши контрики не так просты, как выглядят на радаре».

Он быстро перебрал в памяти известные ему тактико-технические характеристики «Бдительного», а также – вооружение, которое на нём обычно стоит. Список выглядел внушительно: сравнительно небольшую скорость (если сравнивать с современными сторожевиками других типов) «тридцать пятка» компенсировала огневой мощью. Помимо стандартного противолодочного комплекта на «Бдительном» устанавливались два зенитных комплекса «Оса-М», два четырёхтрубных торпедных аппарата, два бомбомёта и две скорострельные артиллерийские установки. Чтобы остановить самонадеянный контрабандистов, обычно хватало артиллерии: калибр в сто миллиметров – не шутка. Но вместо этого «тридцать пятка» запросила помощи у авиаполка, и старший лейтенант Лукашевич был вынужден прервать скучный патрульный облёт и включиться в погоню. Он, впрочем, не возражал – ради таких ЧП и живём – но оставался открытым вопрос: почему это произошло?

Ответ отыскался быстро. На связь вышел капитан «тридцать пятки».

– Волнушка, говорит Боровик, – окликнул Лукашевича невидимый штурман наведения. – Ты ещё не заснул?

– Уже разбудили, Боровик.

– Волнушка, переползай на второй канал. Маслёнок хочет включиться в игру.

– Давно пора, – буркнул Алексей себе под нос и ответил штурману: – Вас понял, Боровик. Перехожу на второй канал.

В наушниках зашуршало, потом в эфире возник, слегка искажённый помехами, бас капитана «тридцать пятки» – Сергея Афанасьевича Коломейцева:

– Хм-м, – сказал Сергей Афанасьевич. – Хм-м... Как тебя... э-э... Волнушка?... Хм-м... Слышишь, что ли?..

Алексей улыбнулся. Он знал Коломейцева, и сейчас легко представил себе, как тот стоит, выпрямившись, на мостике – маленький и плотный – морщит лоб, потирает подбородок, хмы-

кает и экает, а «тридцать пятка» на скорости в тридцать узлов режет волны, оставляя за собой белый и широкий пенистый след. Капитан Коломейцев был одним из лучших на Северном флоте, а то, что он хмыкал и экал, так это от впитанных с молоком матери деревенских привычек и общей мягкости характера.

– Слышу вас, Маслёнок, – ответил старший лейтенант.

– Хм-м... – высказался Сергей Афанасьевич. – Молодец... э-э... Волнушка... хм-м... Алексей, что ли?..

Вообще-то это было нарушением всех и всяческих инструкций – обращаться к пилоту на боевом вылете иначе, как через позывной. Однако Коломейцеву многое прощалось, да и сами позывные были секретом Полишинеля.

Известно, что любой полёт истребителей вблизи государственных границ фиксируется потенциальным противником, его спутниками и системами ПВО. И нет ничего проще, чем сопоставить манёвры каждого конкретного самолёта с теми указаниями, которые идут на позывной с командного пункта. Так что, нужды в каком-то особенном режиме секретности при использовании позывных не было.

А со всеми этими «волнушками», «боровиками» и «маслёнками» – вообще полный анекдот. Однажды командир авиаполка перелистывал справочник «Как отличить полезные грибы от вредных» (грибной сезон был в самом разгаре) и, решив хорошей армейской шуткой скрасить скуку гарнизонной службы за Полярным кругом, распорядился присваивать своим подчинённым вместо традиционных трёхзначных номеров такие вот своеобразные клички. За собой командир оставил право называться «Грибником».

– Хм-м... Алексей... – сказал капитан Коломейцев. – У нас... э-э... проблема.

– Понял вас, Маслёнок, – сказал Лукашевич. – Продолжайте.

Истребитель шёл на сближение с целью; скоро она окажется в зоне визуальной видимости и можно будет начинать работать. Однако неплохо бы перед этим выяснить её тип.

– Э-э... Алексей... проблема серьёзная... У противника... хм-м... «Молния»...

Лукашевич присвистнул. Коломейцев не ошибся ни на йоту: «Молния» – это была проблема. И не только для корабля класса «Бдительного», но и для истребителя, который по правилам этой игры должен работать в визуальном контакте с нарушителем.

Ракетные катера класса «Молнии» (по номенклатуре – проект 1241) стояли на вооружении российской армии довольно давно. Различалось несколько модификаций, но в принципе общая компоновка и состав вооружения оставался постоянным. И там было на что посмотреть. По бортам катеров класса «Молнии» располагалось две пусковые установки комплекса «Москит» с четырьмя ракетами активного наведения, одной из которых вполне было бы достаточно, чтобы пустить ко дну «тридцать пятку» капитана Коломейцева. Артиллерийское вооружение катера состояло из одноствольной 76-миллиметровой пушки на носу и двух шестиствольных 30-миллиметровых автоматов на корме. Для борьбы с истребителями на «Молнии» имелись зенитный ракетный комплекс и отличная РЛС. Сейчас радиолокационная станция у контрабандистов была выключена, иначе бортовой компьютер истребителя уже сообщил бы Лукашевичу эту неприятную новость. Однако ситуация могла измениться в любую минуту.

– Маслёнок? – запросил Лукашевич капитана Коломейцева. – Противник вступал в огневой контакт?

– Хм-м... э-э... нет... пока нет... – отозвался Сергей Афанасьевич. – У него скорость-то поболее будет... хм-м... уходит, зараза...

– Ничего, Маслёнок, от меня не уйдёт, – ободрил Лукашевич.

Катера класса «Молнии» могли развивать скорость в сорок узлов, однако что такое сорок узлов перед двумя Махами,¹ то бишь двумя с половиной тысячами километров в час? Скорость вши на мокром месте.

«Но каковы нынешние контрабандисты! – с восхищением подумал Алексей. – Заполучить такой великолепный катер! Если дальше так пойдёт, скоро они на бомбардировщиках рассекают будут. Или на истребителях...»

Последняя мысль чрезвычайно Алексея позабавила, но высказывать её вслух он, разумеется, не стал. Вместо этого он взглянул на приборную доску и ободрил капитана Коломейцева ещё больше:

– Через минуту буду над вами.

– Хм-м... это хорошо, Алексей...

Лукашевич переключился на основной канал и доложил штурману наведения:

– Боровик, цель – в захвате. Готов открыть предупредительный огонь.

– Волнушка, открыть предупредительный огонь разрешаю.

– Вас понял, Боровик.

– Удачи тебе, Волнушка.

– Спасибо, ребята.

Под управлением старшего лейтенанта Лукашевича многоцелевой истребитель «МиГ-23МЛ» начал снижаться, сбрасывая при этом скорость. Ровно и мощно работал турбореактивный двигатель Р-35-300, детище старика Хачатурова.² РЛС «Сапфир» облучала цель, отправляя данные дальше – бортовому компьютеру. Компьютер проводил анализ данных, после чего отображал их в удобном для восприятия пилота виде многофункционального индикатора АСП-17МЛ на лобовом стекле. На пилонах пусковой установки АПУ-11 находились две готовые к старту управляемые ракеты класса «воздух – поверхность» Х-23 с лазерной головкой самонаведения. Боекомплект двустольной 23-миллиметровой пушки ГШ-23Л был полон. Как бы ни выпендривались контрабандисты, но выстоять против такого чуда современной инженерной мысли им будет трудно.

Снижаясь, «МиГ» пробил слой сплошной облачности, и яркий чистый мир поднебесья сменился привычной хмарью северной осени.

Лукашевич сразу увидел оба корабля. Справа и совсем рядом на полных парах шла «тридцать пятка» капитана Коломейцева. Выглядела она внушительно: длинный корпус с хищными обводами, солидная надстройка с радаром, цилиндры торпедных аппаратов, орудия – как говорится, всё при ней. Не хватало только скорости. Поэтому катер контрабандистов уходил и выглядел отсюда тёмной точкой на самой линии горизонта.

Алексей подкорректировал курс и, пролетая над «тридцать пяткой», качнул крыльями. Азарт погони давал себя знать, и теперь внимание Лукашевича было сосредоточено только на одном объекте в целой вселенной – на катере контрабандистов.

Ещё через три минуты истребитель старшего лейтенанта уже был над катером и пролетел на бреющем, давая понять контрабандистам, что он здесь и сейчас за них возьмётся. Потом заложил глубокий вираж и пошёл встречным курсом на сближение.

Да, перед ним был катер класса «Молния» с бортовым номером «806». От настоящего ракетного катера он практически ничем не отличался. У Лукашевича мелькнула мысль, а не произошло ли тут какой-нибудь ошибки, ведь всё-таки это очень странно – боевой катер, занимающийся контрабандой, но додумать он её не успел, потому что с «Молнии» открыли огонь.

¹ Мах – в аэродинамике единица измерения скорости, зависит от температуры среды и равна отношению скорости объекта к скорости распространения звука в этой среде.

² Хачатуров, Константин Рубенович (1917—88), российский конструктор авиационных двигателей, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда. Под его руководством разработаны модификации форсированного турбореактивного двигателя, устанавливаемого на «МиГ».

Заработала 76-миллиметровая носовая пушка. Лукашевич увидел вспышки, после чего немедленно завывла система оповещения «Сирена», обращая внимание пилота на факт атаки. Старший лейтенант быстро потянул ручку управления на себя, задирая нос самолёта к низкому пасмурному небу. Одновременно с этим он вышел на связь со штурманом наведения:

– Боровик, говорит Волнушка! Меня атакуют!

– Ух ты! – не сдержал эмоций штурман. – В тебя попали?

– Нет. Прошу разрешения на ответную атаку.

Теперь заёкал штурман:

– Э-э... Но ведь это нарушители, контрабандисты... Им, наверное, предупредительного хватит?..

«Ну вот, начинается, – зло подумал Лукашевич, выравнивая истребитель. – Как только доходит до настоящего дела, все сразу по кустам. Вояки, блин».

– Я тоже так думал, Боровик, но это «Молния». И они стреляют. Прошу разрешения на ответную атаку. ЗГ³ горит.

– Но ведь...

– Боровик, они пока стреляют из пушки. Но у них на борту имеется зенитный комплекс. И они его, блядь, применяют.

– С чего ты взял, Волнушка?

Лукашевич ответил на это длинно и нецензурно, после чего в третий раз потребовал разрешить ему провести контратаку. Тут ситуация действительно могла бы выйти из-под контроля, потому что контрабандисты, словно угадав опасения старшего лейтенанта, задействовали РЛС. На индикаторе засветка цели вдруг обрела яркий ореол. Однако вместо напуганного серьёзностью принимаемого решения штурмана, в эфире возник новый голос – спокойный, властный и даже, вроде бы, знакомый Лукашевичу:

– Волнушка, контратакуйте. Разрешаю вам применить ракеты.

– Это дело, – сразу успокоился Алексей. – Ваш приказ понял, Боровик. Контратакую.

Сделав новый разворот, Лукашевич без каких-либо колебаний запустил ракету. Истребитель тряхнуло, и Х-23 сошла с пилона. На скорости триста метров в секунду она за полминуты догнала цель и врезалась в надстройку катера.

Взрыв был страшный. Яркое и жаркое пламя охватило, казалось, всю палубу. С катера посыпались обломки, и он мгновенно сбросил ход, продвигаясь вперёд уже только по инерции. Потом из всех щелей разваленной прямым попаданием надстройки повалил чёрный жирный дым, сносимый в сторону сильным северо-западным ветром.

– Боровик, на связи Волнушка. Цель уничтожена, – доложил Лукашевич гордо. – Выхожу из атаки.

– Поздравляю, Волнушка, – ответил на это властный голос. – Проведи осмотр и возвращайся. Противником пусть занимается Маслёнок.

– Приказ понял, Боровик. Провести осмотр и возвращаться.

Лукашевич ещё сбросил скорость и сделал два круга над катером контрабандистов, из которого продолжал валить дым. Старший лейтенант увидел, как с катера прыгают совсем маленькие отсюда человеческие фигурки в оранжевых спасательных жилетах. Он вспомнил, какая сейчас температура воды в Баренцевом море, и его передёрнуло:

– Бр-р-р...

«Ну, вы сами этого хотели, ребята, – подумал Лукашевич. – Так что, пеняйте на себя».

³ ЗГ – общепринятое сокращение, означающее «Захват Головок»; имеется в виду, что ракеты, установленные на пилонах истребителя, захватили цель и готовы к пуску.

Катер не подавал больше признаков жизни, да и «тридцать пятка» капитана Коломейцева уже спешила к месту катастрофы, поэтому Алексей не стал здесь задерживаться, а поднял истребитель на высоту одиннадцать тысяч и лёг на обратный курс.

Ещё через пятнадцать минут шасси управляемого старшим лейтенантом «МиГа» коснулись белого бетона взлётно-посадочной полосы. Вырулив на боковую дорожку, Лукашевич дождался появления тягача и открыл фонарь.

Сегодня тягачом управлял сержант-сверхсрочник Женя Яровенко, детдомовец и отличный парень. Служба в наземном обеспечении ВВС льстила его самолюбию, потому он и остался на сверхсрочную. Да в общем ему, детдомовцу, и некуда было демобилизоваться – на «гражданке» его никто не ждал, а тут и дом, и стол.

Старший лейтенант Лукашевич прыгнул на бетон. Завидев его, Женя высунулся из кабины тягача и радостно сообщил:

– Ты сегодня герой, старший. Все уже с ума посходили по твоему подвигу. Орден, небось, дадут!

– Дадут, дадут, – пробормотал Лукашевич, снимая шлем.

– И по «голосам» сегодня скажут...

Ещё с советских времён за зарубежными радиостанциями, вещающими на русском языке, закрепилась привычка поздравлять (с долей ехидства) строителей и конструкторов с досрочной сдачей сверхсекретного объекта, а командный состав и непосредственных исполнителей – с удачным проведением военной и сверхсекретной же операции.

– Как хоть прошло? – любопытничал Яровенко.

Он тоже вылез из кабины на бетонку и теперь, широко улыбаясь, стоял рядом с пилотом.

Лукашевич пожал плечами:

– Нормально прошло.

Старший лейтенант казался рассеянным, потому что внимательно осматривал правое крыло своего истребителя. Яровенко проследил за направлением его взгляда и вдруг присвистнул:

– Мать! – ругнулся он в сердцах.

Спереди на крыле «МиГа», выдвинутом сейчас на угол в 72 градуса к фюзеляжу,⁴ виднелось чёрное пятно. В наступившей за возгласом сверхсрочника тишине Лукашевич подошёл к крылу и пощупал пятно рукой в перчатке.

– Надо же, – сказал он после паузы. – Навылет.

– Снаряд? – жадно поинтересовался Яровенко.

– Он, – Лукашевич медленно кивнул. – По самому краю чикнул. На миллиметр ниже и... – он замолчал.

Яровенко ждал продолжения, но не дождался.

– Цепляй машину, – распорядился старший лейтенант. – И передай Усачёву, пусть сразу крыло посмотрит.

– Чего они хоть везли? – полюбопытствовал Женя перед тем, как вернуться в кабину тягача.

– Кто?

– Ну эти... контрабандисты.

– Водку, – отвечал Лукашевич вроде бы даже и всерьёз.

– Да ну тебя, – обиделся Яровенко.

⁴ Фюзеляж – корпус летательного аппарата, связывает собой крылья, оперение, шасси; в фюзеляже размещается экипаж, грузы, оборудование: пассажиры. «МиГ-23» является одним из первых истребителей, выполненным по схеме высокоплана с крылом изменяемой геометрии. Консоли крыла крепятся с помощью поворотных узлов к центроплану вблизи фюзеляжа, что позволяет обеспечить изменение угла стреловидности крыла. Максимальный угол стреловидности – 72°, средний – 45°, минимальный – 16°.

– Понятия не имею, – признался старший лейтенант. – Могли везти всё что угодно. А нам разве скажут?..

Вечером в информационной программе радиостанции «Немецкая волна» «коллеги из НАТО» поздравили старшего лейтенанта Алексея Лукашевича с блестяще выполненным боевым заданием. Из той же программы Лукашевич узнал, что на катере с бортовым номером «806» перевозилась большая партия золота в слитках. Друзья, веселясь, стали попрекать Алексея, что он не захватил слиточек-другой для «общества». Лукашевич всеобщего веселья не поддержал, высказавшись кратко и грубовато: «Я вам не золотоискатель», за что и был удостоен соответствующего прозвища.

Командир авиаполка послал запрос в Министерство обороны о возможности награждения старшего лейтенанта «Орденом Мужества», утверждённым совсем недавно – три года назад. В Министерстве с решением как всегда затянули, и своего ордена Золотоискатель так и не дождался. Через год Алексей забудет и об ордене, и о контрабандистах. Как окажется, зря...

Глава вторая

Кризис

(В/ч 461-13 «бис», полуостров Рыбачий, август 1998 года)

Почти все офицеры воинской части 461-13"бис" авиаполка «Заполярье», свободные от несения боевого дежурства или караульной службы, собрались у КПП. Помещение контрольно-пропускного пункта было тесным, поэтому внутрь никто заходить не стал. Собрались в группы, покуривая и поплёвывая, поглядывая то на дорогу, то на далёкое отсюда лётное поле, на котором разворачивался совершивший минуту назад посадку «МиГ» лейтенанта Беленкова.

– О! – высказался Лукашевич. – С'час прибежит...

– Кто прибежит? – без особого интереса, но так, для порядка, осведомился старший лейтенант Стуколин.

– Кто, кто? Беленков – вот кто, – ответил Лукашевич. – Тоже ведь не дурак...

На самом деле Лукашевич пребывал в том настроении, когда не только отдельные представители окружающего мира кажутся дураками, но и сам мир выглядит чьим-то идиотским изобретением, недоделанным и бессмысленным, как вырытая поперек дороги, забытая и заполненная грязной водой канава. Впрочем, в отличие от убеждённых мизантропов, Лукашевич не делал для себя исключения в рамках удручающей картины всемирной глупости. Скорее наоборот, именно в себе самом, в своём выборе, сделанном когда-то, он видел источник всех своих бед и сегодняшней беды тоже.

Мысли Лукашевича текли вяло, но постоянно возвращались к исходному вопросу: как? Каким образом его, Лукашевича, судьба сложилась так, что он стал не юристом или экономистом (да хотя бы и бухгалтером!), а лейтенантом этих проклятых ВВС, да ещё в воинской части, дислоцированной на краю света, у чёрта на куличках. Это ж каким идиотом надо было быть, чтобы взять и отказаться от заманчивых перспектив поступления в Ленинградский Государственный, где в приёмной комиссии сидел двоюродный дядька, ради... ради... Чего, спрашивается, ради?!

Лукашевичу хотелось напиться. В хлам.

Похожие чувства испытывали все, столпившиеся у контрольно-пропускного пункта. И у каждого из них были основания гневаться на судьбу и перебирать удручённо варианты своего неуклюжего прошлого и своего безрадостного будущего. На то были причины. Последний раз офицеры части 461-13"бис" получали зарплату девять месяцев назад. За этот срок, как известно, можно зачать, выносить и родить вполне нормального ребёнка, однако российскому правительству девяти месяцев оказалось недостаточно, чтобы разобраться наконец с зарплатами в бюджетной сфере. Более того, с какого-то момента начались перебои с поставками в часть продовольствия, обмундирования и запчастей к технике. Объяснялось это огромной задолженностью Министерства обороны другим отраслям, а правительство вместо того, чтобы провести взаимозачёт, занималось какими-то другими – очень неясными – делами.

«Ох, они доиграются! – с плохо скрываемой злостью поговаривали в части 461-13"бис". – С армией такие шутки не проходят!»

Говорившие так забывали, что есть армия, и есть *армия*. Что для правительства, которое несколько лет уже вело себя подобно не слишком умному и расточительному оккупанту в чужой стране, нет никакого дела до маленькой воинской части на забытом Богом полуострове, а есть ему дело только до тех немногих счастливых, которым повезло устроиться при столице. Да и то только потому, что счастливые эти постоянно напоминают о себе, проводя

какие-то офицерские собрания под невнятными лозунгами, да устраивая манёвры на расстоянии прицельной дальности от Кремля. Попробуй здесь, за Полярным кругом, поманеврируй – без толку, одни расходы.

Невыплаты заработной платы и участвовавшие перебои с поставками других видов довольствия не способствовали укреплению позиций и на личном фронте. Если раньше выйти замуж за офицера было почётно, то теперь это означало – выйти замуж за нищего. Постоянные и дичайшие скандалы в семьях офицеров стали приметой времени. В одной только части 461-13"бис" за последние полгода было зарегистрировано два развода. Сам командир части, майор Громов, был вынужден на неопределённый срок отправить свою жену и сына в Питер к родителям. А старший лейтенант Лукашевич вообще оставил надежду подыскать себе когда-нибудь достойную пару: «Если денег нет, какая ж тут любовь?»

В общем, не было у столпившихся на КПП офицеров повода для веселья. И всё шло к тому, что это безрадостное сборище закончится грандиозной пьянкой «по чёрному», где под «шпагу» или «шило» – сэкономленный на «рискованных»⁵ посадках и протирке контактов спирт – эти офицеры будут нецензурно ругать правительство с президентом, обещать уволиться в запас, потому что так дальше нельзя, потому что терпение уже кончилось, потому что дураков нет за «спасибо» работать, потому что потому...

– Едет! – воскликнул капитан Никита Усачёв. – Едет, мужики!..

Все сразу зашевелились. Из домика КПП выскочил рядовой второго года службы Митя Фатюхин, рысцой подбежал к воротам. На последнем – прямом, как стрела – участке узкой грунтовки, ведущей к части 461-13"бис", действительно появился грузовик марки «ЗИЛ» с кузовом, поверх которого был натянут брезентовый тент. Номеров отсюда видно пока ещё не было, но народ и так не сомневался, кто на нём едет. В часть возвращался её командир – майор Громов, отбывший ещё утром в Печенгу⁶ за продовольствием и, возможно, зарплатой. От того, с какими вестями он вернётся, зависело уже не просто умонастроение отдельных офицеров самого северного из подразделений ВВС, но и существование этого подразделения в целом.

– Едет, едет!

Грузовик приблизился к контрольно-пропускному пункту и остановился, не доезжая пары метров, хотя шлагбаум был поднят. Правая дверца кабины открылась, и на асфальт спрыгнул Константин Громов, майор и бессменный командир части 461-13"бис". Одет он был в выходную форму офицера ВВС, несколько помятую после дороги. Сделав водителю отмашку рукой, после чего грузовик тронулся, заезжая на территорию, Громов направился к офицерам.

– Что за митинг? – осведомился он недружелюбно. – Вам что, товарищи офицеры, заняться больше нечем?

Он мог сказать, что угодно. Например, «Сегодня отличная погода!». Или: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...». Любая фраза, будь она хоть трижды нейтральной и ни к чему не обязывающей – сказанная тоном, подобным тому, с каким было произнесено: «Что за митинг?», расставляла последние точки над i.

У Лукашевича опустились плечи.

«Господи, – подумал старший лейтенант. – А ведь это действительно конец».

К Громову подошёл Стуколин.

– Что случилось, товарищ майор? – спросил он.

– Ничего, – ответил Громов, глядя куда-то поверх голов. – Ни-че-го! В том-то и дело.

– Да они охренели совсем! – ругнулся в сердцах Никита Усачёв.

⁵ «Рискованными» называют такие посадки, при которых пилот сознательно пренебрегает требованиями безопасности: в частности, он может посадить самолёт вслепую, сэкономив спирт, предназначенный для борьбы с обледенением фонаря кабины.

⁶ Печенга – посёлок городского типа в северо-западной части Кольского полуострова; рядом с Печенгой находится железнодорожная станция и незамерзающий порт Лиинахамари.

– Телевизор надо смотреть, – словно бы невпопад обронил Громов, и Лукашевич, хорошо знавший своего командира ещё со школьных лет, когда они сидели за одной партой и ходили вместе в кино, понял, что тот воспроизводит чужие слова, цитирует. – Радио надо слушать. В стране кризис. За доллар двенадцать рублей дают. А вы со своими проблемами уже всех достали...

– Что-то я не пойму, товарищ майор, – сказал Стуколин, прищурясь и потирая кулак. – Кто это декларировал?

– Неважно, – майор всё ещё смотрел поверх голов. – Это как раз неважно.

– А что важно? – взбеленился капитан Усачёв.

Громов повернулся и внимательно посмотрел на него – глаза в глаза. Взгляд у командира части 461-13"бис" был тяжёлый. Усачёв, хоть и старше он был майора на четыре года и в чём-то умудрённее, тут же поумерил своё «священное» негодование и даже отступил на шаг.

– Никого не держу, – сказал Громов, чётко и звонко выговаривая каждое слово. – Думаю, и Свиридов никого удерживать не станет. Кому надоело – хоть сегодня рапорт подпишу.

Лукашевич, наблюдая за развитием маленького инцидента, подумал, что это, пожалуй, идея. Действительно, плюнуть на всё и написать рапорт. И пусть эти ВВС катятся к чёртовой бабушке или ещё куда подальше...

И тут – неожиданно для него самого – мысли Алексея приобрели совершенно противоположную направленность. Он вдруг подумал, что если отправится сейчас писать рапорт и собирать монетки, то никогда уже в жизни не сядет за штурвал боевого истребителя, никогда не поведёт его над облаками, в яркой и синей пустоте поднебесья – назло врагам и вопреки кризисам; с этого момента и навсегда он станет пассажиром и будет летать на престарелых и слабосильных «тушках»⁷ гражданской авиации, а сверхсрочник Женя Яровенко будет рассказывать очередной анекдот и не применёт вспомнить о старшем лейтенанте, который был когда-то о-го-го, а нынче попивает газировку в первом ряду второго салона – таких в Ейском училище называли «мешок с картошкой».

Плюнуть и поставить жирный крест на огромном куске собственной биографии вот так, сразу, оказалось для Лукашевича непросто. Как и для всех остальных офицеров части 461-13"бис". Видимо, только этим можно объяснить, что за все девять месяцев тяжелейшей ситуации на финансовом фронте ни один из них не подал рапорта на имя командира авиаполка «Заполярье» с просьбой о переводе в запас. Но теперь... Что будет теперь?

Выдержав многозначительную паузу, Громов распорядился:

– Всех незанятых на дежурстве офицеров прошу пройти в ленинскую комнату.

Ленинской (или красной) комнатой по стародавней привычке называли довольно тесное помещение в одной из «бочек-диогенов»⁸ военного городка. В «ленинской» комнате находилась библиотека части, состоявшая в основном из трудов классиков марксизма-ленинизма и мемуаров военных лётчиков. Стоял там и телевизор – старенький латаный-перелатанный «Рекорд», принимавший только «первый» канал.

Через пятнадцать минут после возвращения Громова в ленинскую комнату было не толкнуться. Пришли все. Восемью стульев на эту ораву не хватило, и некоторые остались на ногах. Громов сел лицом к подчинённым и спросил:

– Ну что, ни у кого не появилось желания написать рапорт?

– Да хватит уже, Костя, – раздражённо сказал Стуколин. – Давай ближе к делу.

Громов холодно посмотрел на него, но по поводу неприкрытого нарушения субординации высказываться не стал: сообразил, видно, что все присутствующие и без того на взводе, а усугублять ситуацию не след.

⁷ «Тушки» – пассажирские самолёты класса «Ту», разработка конструкторского бюро А.Н.Туполева.

⁸ «Бочка» – контейнер для жилья цилиндрической формы, довольно части их называют просто «диогенами».

– Хорошо, – согласился он. – Перейдём к делу... Как вы знаете, в нашей стране случился кризис. По этой причине денег в ближайшее время не предвидится. Но это ещё полбеды. Главное – какая-то сволочь в министерстве под шумок приказала приостановить поставки довольствия в отдалённые районы...

Стуколин присвистнул.

– Как приостановить? – не поверил Усачёв. – Совсем приостановить?

– До особого распоряжения.

Несмотря на то, что офицеры части 461-13"бис" были в массе своей людьми дисциплинированными, сдержаться никто не смог и заговорили все сразу:

– Они что, решили нас голодом уморить?!

– Нет, но это уже ни в какие ворота!

– Бляди – они бляди и есть!

– Как это они себе представляют? Голодающая армия?

– Говорил же, этих тварей раньше надо было вышибать. Довели страну, понимаешь!..

– Тихо, товарищи офицеры, тихо, – Громов встал и поднял руку. – Нам сейчас нужны конструктивные предложения. Такие у кого-нибудь имеются?

– Да что там «конструктивные»!.. – не мог остановиться импульсивный Никита Усачёв. – Давить сволочей!

– Спокойнее, товарищ капитан, – в очередной раз осадил его Громов. – Не забывайте, кто вы и где вы.

Усачёв несколько уgomонился, хотя по его раскрасневшейся физиономии было видно, что своё особое (и, в общем, малооригинальное) мнение о происходящем в стране он готов отстаивать с пеной у рта в любой момент времени, представься ему, Усачёву, такая возможность.

– Итак, я повторяю свой вопрос, – сказал Громов. – Есть у кого-нибудь конструктивные предложения?

– Министр в курсе происходящего? – уточнил Стуколин.

– Этого я... кхм-м... точно не знаю. Но мне было сказано, что в курсе.

– А Свиридов?

– Он мне и сказал...

– Да-а, – протянул Усачёв со своего места. – Ситуёвина.

– Насколько у нас хватит продовольствия? – продолжал Стуколин беглый опрос командира. – Сколько суток мы можем жить на запасах?

– Это к коменданту, – Громов пошевелил пальцами в воздухе, и от стены отделилась сутуловатая фигура лейтенанта Подвицкого.

– Недельку протянем, – доложил Подвицкий без уверенности в голосе. – Должны протянуть.

– Плохо, – констатировал Стуколин. – Это очень плохо.

– Это я знаю без тебя! – резко сказал Громов. – Предложения будут?

Стуколин пожал плечами:

– Пока нет.

– Тогда сиди и думай.

– Может, министру письмо наклепать? – высказался лейтенант Сергей Беленков, только что вернувшийся с задания.

– Ага, думаешь, ты один такой умный? – язвительно бросил Усачёв.

– Ничего я не думаю! – Беленков обиделся. – Но ведь что-то делать нужно!

– Спокойнее, товарищи офицеры, – снова одёрнул их Громов. – Запрос в Министерство отправлен. Но рассчитывать на скорый ответ не приходится.

Подходящее решение нашёл Алексей Лукашевич. Он всё ещё глубоко переживал этот странный и быстрый переход от желания немедленно уволиться в запас к пониманию того, что на «гражданке» ему делать совершенно нечего. Оставалось сложить одно с другим.

– А почему бы нам, – чуть помедлив, сказал Лукашевич, и все присутствующие сразу посмотрели на него, – почему бы нам не обратиться за помощью к гражданским властям?

Никита Усачёв громко фыркнул. Однако остальные его не поддержали.

– Это мысль, – кивнул Громов. – Но у них сейчас проблем и без нас хватает.

– Но когда их припирало, – напомнил Лукашевич, – мы ведь им не отказывали.

– Что ж, попытка – не пытка, – согласился Громов. – Попробуем. Кто поедет?

– Я поеду, – тут же заявил импульсивный Усачёв. – Не доверяю я гражданским...

– Поэтому не поедешь! – отрезал Громов. – Только обзлѐнного там ещё не хватало. Другие добровольцы есть?

В течение пятнадцатиминутного обмена мнениями выяснилось, что в роли «ходовков» готовы выступить почти все офицеры части. Ещё бы, ведь поездка в Мурманск – это поездка в Мурманск вне зависимости от того, чем там придётся заниматься. Хоть и денег нет, хоть и цены выросли непомерно – всё ж таки навестить местную столицу гораздо приятнее, чем ходить в наряды. Кончилось тем, что Громов сам выбрал тех, кого бы он хотел видеть рядом с собой во время беседы с мурманскими градоначальниками. Ими, естественно, оказались: Лукашевич, как предложивший идею, и Стуколин, известный своим педантизмом. Кроме того, эти двое считались близкими друзьями Громова, ещё со школьной скамьи, а давнее знакомство ко многому обязывает.

Обсудив подробности предстоящей поездки, офицеры разошлись. У них появилась надежда, и поэтому спирта в этот вечер было выпито меньше, чем рассчитывали. А тосты в основном поднимались за успех будущего дела. Как известно, за будущее не принято пить. Но что им ещё оставалось?..

Глава третья

Ходоки

(Мурманск, август 1998 года)

Дорога до Мурманска неблизкая. Потому выехали ранним утром.

За руль «ЗИЛа» посадили Женю Яровенко. С ним в кабине разместился майор Громов – на случай возможных эксцессов по дороге. Остальные «ходоки» – Лукашевич и Стуколин – забрались в кузов.

Быстро проехали Средний полуостров, связующий Рыбачий с материком.

– Ну вот мы и в Нижнем мире, – со смехом заметил Лукашевич.

По аналогии с принятой у шаманов Заполярья космологией, разделяющей вселенную на три мира: Верхний, Средний и Нижний – офицеры называли свой полуостров Верхним миром (ведь часть 461-13"бис" находится гораздо севернее любых других подразделений Кольского полуострова), Средний полуостров, как и полагается, – Средним, ну а материк соответственно – Нижним.

А вообще здесь были места, осенённые боевой славой. С Рыбачьего и Среднего контролировался вход в Кольский, Мотовской и Печенгский заливы. В июле 42-го года на полуостровах был отстроен Северный укрепрайон под командованием генерала-лейтенанта Кабанова. В 44-м, в ходе Петсамо-Киркенеской операции, отсюда был нанесён вспомогательный удар на Печенгу (которая в те годы называлась Петсамо). Отсюда на прорыв обороны, которую держал немецкий 19-й горнострелковый корпус, уходила морская пехота. Теперь о боевом прошлом полуострова напоминали бетонные полуразрушенные доты, треснувшие плиты, воронки, в которых летом стояла вода, а зимой – лёд.

Всю дальнейшую дорогу ехали молча. Брезентовый тент не спасал от утреннего холода, и оба лейтенанта сидели на лавках, нахохлившись и спрятав руки под мышками. Время от времени их ощутимо потряхивало – далеко не на всех участках шоссе отличалось ухоженностью.

В Мурманск прибыли к двум часам дня. Яровенко подогнал грязный с дороги грузовик к зданию городской администрации и без какого-либо смущения втиснул его между белоснежным лимузином и «шестисотым мерседесом» популярного в этом сезоне цвета «мокрый асфальт». Громов вылез из кабины и заглянул в кузов:

– Ну что, мужики, живы?

– Да как тебе сказать? – откликнулся Стуколин, потягиваясь до хруста в суставах.

Майор усмехнулся:

– Так и скажи.

– А что ты понимаешь под словом «жизнь»?

Громов погрозил Алексею пальцем:

– Не коси. Эзотерические теории – моё хобби.

Это было правдой. Командир части 461-13"бис" был известен не только своими подвигами на поприще военно-воздушных сил, благодаря чему сделал быструю карьеру, но и совершенно ребяческим увлечением, основанном на интересе к разного рода тайным учениям. Он на полном серьёзе изучал труды Кастанеды и Гурджиева, Штайнера и Блаватской,⁹ собрал большую библиотеку, в которой можно было найти книги по истории тайных оккультных обществ,

⁹ Карлос Кастанеда, Георгий Гурджиев, Рудольф Штайнер, Елена Блаватская – известные эзотерики, авторы популярных книг по вопросам оккультных наук.

по буддизму, по суфийской традиции, по мифологиям древнего Востока и средневекового Запада. Кроме массивных фолиантов коллекционировал майор Громов и вырезки из сомнительных газет и журналов. Сообщениями о доморощенных колдунах и пророках он брезговал, но, например, информация об аномальных зонах и древних капищах всегда вызывала у него живейшее любопытство. Дело дошло до того, что однажды майор в положенный летний отпуск отправился не как все нормальные люди на юг, а, наоборот, пошёл с экспедицией на Ловозеро, что на Кольском полуострове, рассчитывая найти там развалины легендарной страны Гипербореи. Вернулся он через две недели – немало разочарованный, но увлечению своему не изменивший.

Во всём остальном Константин Громов, командир части 461-13"бис", был вполне здравомыслящим и где-то даже циничным человеком. А эта причуда... У кого их не бывает? Старые приятели относились к увлечению майора снисходительно и лишь иногда подтрунивали по поводу. Громов как мог отшучивался.

– Если живы, вылазьте, – сказал майор. – Это конечная остановка.

В этот момент к ним подкатился местный охранник, одетый в гражданское, но вполне быковобразный. От охранника сильно пахло мужским одеколоном неизвестной Громову марки.

– Значит так, парни, – начал он без предисловий, – свою рухлядь отсюда убрать, понятно?.. И если вы в администрацию, то сегодня уже поздно, понятно?..

«Ну-ну, – подумал Лукашевич, спрыгивая из кузова на асфальт, – гостеприимен Мурманск, нечего сказать».

Громов повернулся к охраннику. У того на груди имелся бейдж – маленькая пластиковая карточка, посмотрев на которую любой желающий мог узнать, что перед ним никто иной, как Акимов Пётр Николаевич, служащий охраны.

– Вот что, Петя, – сказал Громов, – мы приехали по делу. По очень серьёзному делу. И не к тебе, а к губернатору. Так что, расслабься и дай пройти.

Охранник явно не привык к подобному обращению. Он даже сразу не нашёлся, что ответить. А когда ответил, голос его приобрёл отчётливо угрожающие интонации.

– Права качаем? – осведомился Пётр Николаевич. – Не много ли на себя берёшь, майор?

– Бери, сколько могу, – сказал Громов просто.

К компании присоединился Стуколин. Он выглядел невозмутимым, но потирал кулак. И Громов, и Лукашевич помнили, что когда Алексей Стуколин вот так с безразличным видом потирает кулак, – быть драке. А подрасться Стуколин любил.

Охранник этого не знал, но численный перевес произвёл на него впечатление. Он отступил назад, вытащил из кармана радиотелефон ближней связи и скороговоркой забормотал в микрофон:

– Вторая стоянка. Три офицера и водитель. Возможно, вооружены.

– Чего ты мелешь? – Стуколину активность охранника не понравилась, и он начал потирать кулак заметно интенсивнее. – Нет у нас никакого оружия. Мы поговорить приехали.

Однако дело было сделано, и через четверть минуты у грузовика стало тесно. К уже присутствующим добавились: двое в гражданском, но с укороченными автоматами «АКС-74У», один милиционер при «макарове» в кобуре и в довершение – военный патруль, состоящий по мурманской традиции из мичмана и двух рядовых матросов, эти были вооружены штык-ножами.

Увидев, что дело пахнет жареным, сверхсрочник Женя Яровенко не стал отсиживаться за рулём, а полез из кабины, не забыв прихватить монтировку. Всё-таки он был отчаянный парень. И в результате стал единственным реально пострадавшим в этой истории. Охранники в гражданском, расценив появление бойца с монтировкой как акт агрессии, направленный против них лично, сработали быстро и вполне профессионально. Офицеры части 461-13"бис" не

успели глазом моргнуть, а Яровенко уже лежал носом в землю, руки его были заломлены, а монтировка, звеня, отлетела под грузовик.

– Да всё уже, всё! – завыл Женья.

– Прекратите немедленно! – крикнул Громов, шагнув к охранникам.

В поясицу ему упёрся ствол.

– Стоять, майор, – сказал Пётр Николаевич. – Ещё движение и стреляю.

Офицеры замерли в нелепых позах. Разгром был полный.

«Посмотрел бы я на этих козлов, – подумал Лукашевич с ненавистью, – если бы мы сюда не на грузовичке и не в парадках, а на „бичах“¹⁰ с боевой подвеской. Разбегались бы, небось, быстрее собственного визга».

Обстановку несколько разрядил мичман из патруля. Подойдя к Громову, он козырнул и сказал спокойным тихим голосом:

– Ваши документы, пожалуйста... А вы уберите оружие, – приказал он Петру Николаевичу.

Тот недовольно засопел: будут тут ещё всякие мичманы распоряжаться – но послушался, спрятал пистолет в подплечную кобуру. Вздохнув свободнее, Громов предъявил военный билет.

– Очень хорошо, товарищ майор, – сказал мичман, ознакомившись с документом. – Цель вашего визита в город?

– Пусть солдата освободят, – попросил Громов, кивая на скрученного Яровенко. – Он ни в чём не виновен.

Мичман, повернув голову, посмотрел на Женю и удерживающих его охранников:

– Отпустите сержанта.

Те, сами уже дошедшие до понимания всей нелепости происходящего, без возражения выполнили приказ. Матросы из патруля заулыбались, переглядываясь. Их мичман набирал очки. Лукашевич подумал, что сегодня вечером весь сторожевик (или на чём там они ещё плавают?) будет гудеть, обсуждая это нетипичное для заурядного патрульного выхода приключение. А уж какими подробностями инцидент обрастёт – страшно представить!

Выпущенный из захвата Яровенко поднялся на ноги. Тихо матерясь, стал отряхиваться.

– Итак, цель вашего визита?

– Мы прибыли для встречи с представителями администрации города, – сказал Громов.

– По приглашению?

– Нет. Но это срочное и конфиденциальное дело.

– Я же тебе сказал, сегодня поздно, – вставил словечко Пётр Николаевич.

Мичман, по всему, сочувствовал Громову и его офицерам. Однако не в его компетенции было решать такие вопросы, и, вернув военный билет, он сказал только:

– Всё в порядке, товарищ майор. У нас к вам никаких претензий.

– Так нам дадут встретиться с губернатором? – спросил Громов.

– Ага, размечтался, – охранник Пётр Николаевич после слов мичмана нисколько не подобрел.

Он чувствовал себя оскорблённым этими офицерами и не собирался уступать ни на йоту. В конце концов, он был здесь хозяин, царь и бог, а не эти нелепые вояки. Он должен был поставить их на место, преподать урок, чтобы неповадно им было, чтобы в следующий раз знали, чего они стоят на самом деле. Но, к счастью, охранник заблуждался. Он не был здесь хозяином. И это выяснилось сразу, как только на сцене появился хозяин настоящий.

– Что происходит?

Охранник Пётр Николаевич оглянулся, открыл рот и тут же закрыл его.

¹⁰ «Бич», «Бичеватель» (Flogger) – натовское название истребителей «МиГ-23»

– Я спрашиваю, что происходит?

Перед офицерами части 461-13"бис" и охраной мурманской администрации стоял плотный и невысокий господин в хорошем костюме и с длинной сигарой в зубах. Для полноты картины не хватало только котелка, иначе получился бы вылитый «буржуин» – именно такой, какими изображали буржуинов на советских карикатурах 30-х годов. Однако вместо котелка господин имел обширную лысину.

– Извините, Лев Максимович, – промямлил охранник Пётр Николаевич, в один момент растеряв всю свою нахрапистость. – Эти офицеры... они...

– Да? Что «эти офицеры»?

– Мы хотели бы встретиться с губернатором Мурманска, – сказал быстро Громов, сообразивший, что такую возможность упускать нельзя: этот господин, кто бы он ни был, имеет здесь большой вес и явно заинтересован в том, чтобы разобраться в происходящем.

Лев Максимович тихо рассмеялся. Он вынул сигару изо рта и спросил, ткнув ей в сторону Громова:

– А вы знаете, что губернатора нет в городе?

– Я им говорил, Лев Максимович, но они... – собрался наконец с мыслями охранник.

– Да, да, – покивал Лев Максимович, – я видел, *как* вы ему говорили.

Охранник вдруг быстро и густо покраснел. Это было настолько неожиданно, что Лукашевич едва сдержал смех. Стуколин снова потирал кулак, но вид теперь имел не безразличный, как в преддверии драки, а заинтересованный – как в преддверии мирного разрешения кризисной ситуации.

– Вам нужен именно губернатор? – Лев Максимович снова обратился к Громову.

– Желательно, – ответил майор. – Но если его нет в городе, мы, наверное, могли бы уладить дело с кем-нибудь из советников?

– Здравая мысль, – оценил Лев Максимович. – Что ж, идёмте. Я – советник губернатора Маканин.

Охранники расступились, и советник повёл офицеров к парадной лестнице, ведущей в здание мурманской администрации.

– Лев Максимович! – позвал охранник Пётр Николаевич. – Пусть они хоть грузовик свой вонючий уберут.

Казалось, он сейчас расплатится от обиды. Маканин приостановился и проникновенно спросил:

– Он вам мешает? – и не дожидаясь ответа, сказал: – Мне – нет.

Так, благодаря вмешательству господина советника, инцидент был полностью исчерпан.

Впоследствии майор Громов и его друзья много спорили по поводу того, насколько случайно было это вмешательство. Перебирались самые различные варианты: от чистого совпадения до заранее спланированного и срежиссированного спектакля. К единому мнению они так и не пришли. В реальности же, как и всегда, имела место «золотая середина», а еще точнее – импровизация. Лев Максимович Маканин импровизировал. И как показало дальнейшее развитие событий, его импровизация удалась.

Глава четвёртая Советник

(Мурманск, август 1998 года)

– Проходите, – предложил Маканин, собственноручно распахивая дверь своего кабинета на третьем этаже здания городской администрации. – Устраивайтесь, как вам будет удобно.

Кивнув с достоинством, Константин Громов первым вошёл в кабинет. Как и любое другое помещение в этом здании, кабинет советника губернатора Маканина вызывал у стороннего посетителя самые противоречивые чувства. С одной стороны, он мог преисполниться гордостью за свою родную страну, которая наконец достигла такого уровня благосостояния, что даже в самом заурядном кабинете сделан евроремонт высочайшего качества, стоит дорогая офисная мебель и самая современная техника: компьютер, телефон, факс; с другой стороны – зная, какая нищета царит по долам и весям родной страны, этот посетитель мог затаить обиду (а то и преисполниться самой настоящей ненавистью) на тех, кто купается в роскоши в то время, как где-то от голода и холода умирают люди, а всё катится в тартарары. Впрочем, офицеры части 461-13"бис" к подобным контрастам давно привыкли, поэтому вид кабинета советника не произвёл на них какого-то особенного впечатления.

Поскрипывая ботинками, Громов прошёл по начищенному до блеска паркету к поставленному у стены кожаному дивану, плюхнулся на него и вытянул ноги. Остальные «ходоки» последовали его примеру: Лукашевич сел справа от майора, а Стуколин – слева. Присаживаясь на этот образчик финской деревообрабатывающей промышленности, Лукашевич с ухмылкой представил себе, как господин советник в перерыве на обед и дабы отдохнуть от трудов праведных по управлению городом раскладывает на диване длинноногую блондинистую секретутку, снимает штаны и... Тут старший лейтенант вспомнил, что в приёмной они были встречены не длинноногой блондинистой секретуткой, а очередным запакованным в тесное ему штатское бугаем, на карточке которого значилось, что он-то, бугай, и есть настоящий секретарь господина советника Маканина. На то, чтобы представить, как на этом диване господин советник раскладывает бугая из приёмной, у Лукашевича не хватило воображения.

Пропустив своих неожиданных гостей в кабинет, Лев Максимович закрыл дверь и спросил, посмотрев на Громова:

– Что будете пить? Чай? Кофе? Что-нибудь покрепче?

Майор оглянулся на спутников. Те своих пожеланий не высказали, и тогда он ответил за всех:

– Три кофе, пожалуйста.

Маканин наклонился над письменным столом и ткнул кнопку селектора:

– Гриша, три чашки кофе для гостей, а мне – чаю с молоком. Если будут звонки, переадресовывай их, как обычно, – Кагарлицкому.

– Слушаюсь, Лев Максимович, – откликнулся бугай из приёмной.

Господин советник обошёл стол и, вздохнув, опустился в большое офисное кресло.

В ожидании напитков хозяин кабинета и гости молча рассматривали друг друга. Лукашевич вдруг подумал, что в позиции сидя советник Маканин напоминает не просто абстрактного «буржуина», а «буржуина» вполне конкретного – премьер-министра Уинстона Черчилля в период Второй Мировой войны: та же блестящая в свете ламп лысина, те же отвисающие бульдожьё щёки, тот же недобрый, но умный взгляд.

Через минуту в кабинете появился Гриша с подносом. Офицеры получили по миниатюрной чашечке с ароматным горячим кофе; Маканин же предпочёл чай в высоком стакане с подстаканником из тех, которые подаются в поездах дальнего следования. Когда Гриша, исполнив свои обязанности, удалился, Громов отпил кофе и спросил Маканина:

– А что, Лев Максимович, у вас в администрации всегда были армейские порядки? Или только теперь?

– Не понял вопроса, – господин советник нахмурился недоумённо. – Что вы имеете в виду?

– Вообще-то, я привык видеть в качестве секретарей симпатичных девушек, – пояснил свой вопрос майор. – А у вас – Гриша. С выправкой отставного военного.

Маканин улыбнулся – улыбка у него получилась скупая.

– Положение обязывает, – сказал он. – Ведь я – советник губернатора по вопросам безопасности.

Лукашевич мысленно присвистнул: вот так дела, это нам подфартило.

– Позвольте тогда спросить, – продолжал «светскую» беседу Громов, – вы имеете какое-то звание?

– Да, – не стал скрывать Маканин. – Я подполковник. Подполковник госбезопасности.

Лукашевич и Стуколин переглянулись. Громов же никак не выразил своих чувств. С задумчивым и несколько отстранённым видом он допивал свой кофе.

– Ещё вопросы? – Маканин выдержал паузу. – Ну что ж, будем считать, что вы меня знаете. Теперь я хотел бы познакомиться с вами. Кто вы и какая надобность привела вас к губернатору?

Громов в двух словах обрисовал ситуацию:

– Мы – офицеры войсковой части 461-13"бис", четвёртой эскадрильи авиаполка «Заполярье». Моя фамилия – Громов. Я командир части. Со мной – летающие офицеры Лукашевич и Стуколин. Мы прибыли в Мурманск, чтобы просить губернатора выделить средства на поддержание личного состава нашей части. Мы находимся в чрезвычайно бедственном положении, довольствие задерживается, и вскоре в части может начаться голод...

Господин советник, наклонив лысую голову, выслушал Громова. Потом помолчал, отхлебнул чаю и сказал так:

– Я не спрашиваю, обращались ли вы по своим инстанциям – наверняка, обращались. Я не спрашиваю, нет ли у вас других способов заработать себе на хлеб – наверняка таких способов нет. Меня в этой истории интересует другое. Вы понимаете, что, придя сюда, фактически выступаете в роли попрошайек?..

Стуколин хотел вскочить, но Громов, выставив руку, толкнул его на место. Лукашевич собрался было обидеться по примеру друга, но тут перехватил острый испытующий взгляд, с которым Маканин наблюдал за Громовым, и сообразил, что не для унижений привёл их сюда господин советник, и если бы дело ограничивалось только этим, то всё их знакомство с ним закончилось бы ещё внизу, на лестнице, пятнадцать минут назад.

– Да, – произнёс Громов недрогнувшим голосом, – мы это понимаем. Но кто сделал нас попрошайками? Кто довёл одну из самых сильных армий в мире до такого состояния, что её офицеры вынуждены побираться, лишь бы не умереть с голоду? Вы сказали, что имеете звание подполковника госбезопасности? Куда вы смотрели, подполковник, когда всяческие нувориши грабили армию и всю страну? Или вас это устраивало? Тогда к чему ваш пафос?

Маканин, не перебивая, выслушал и эту отповедь.

– Что ж, – подытожил он затем, – каков вопрос, таков и ответ. Спасибо, майор, за прямоту.

– Пожалуйста, – ответил Громов не без сарказма. – Всегда готов помочь.

– Я рад, товарищи офицеры, – продолжил Маканин как ни в чём не бывало, – что вы достаточно трезво оцениваете ситуацию. Это сейчас редкость. Большинство из тех, кто ещё вчера мог похвастаться высокими аналитическими способностями, в условиях кризиса совсем потеряли голову. Чего не скажешь о вас...

Лукашевич подумал, что вряд ли яростное высказывание Кости можно назвать «трезвой оценкой», однако заметил, что между майором и советником установилось некое взаимопонимание, словно эти двое знали какой-то секрет и вели беседу на основании этого знания. Потом Лукашевича осенило: «Да он же нас просто-напросто проверяет! Проверяет, насколько наши взгляды соответствуют его собственным... И мы... Кажется, мы выдержали проверку!»

По крайней мере, друг Костя выглядел вполне удовлетворённым.

– Что же касается вашей просьбы... – Маканин выдержал длинную паузу, в течение которой извлёк из стола сигару в золотистом футляре, вытащил её, с помощью специальной машинки обрезал кончики. – Что касается вашей просьбы, то сейчас, немедленно, я вряд ли чем-нибудь смогу вам помочь.

– Мы и не ждём немедленного ответа, – вставил словечко вежливый Громов. – Но настаиваем на том, чтобы этот вопрос был решён в самое ближайшее время.

– Я это понял, – сказал Маканин; он повозился с зажигалкой, раскуривая свою чудовищную сигару. – И мы решим его в самое ближайшее время. Однако вы должны помнить, что сейчас не только вам тяжело. Обвал рубля, приостановка банковских операций, ажиотаж на биржах ударили не только по нашим финансовым воротилам, но и по малоимущим слоям. Ситуация крайне сложная, администрация завалена просьбами, воззваниями, обращениями. Ваша проблема – лишь ещё одна в ряду многих. И не самая первоочередная.

– Но вы не должны забывать, что мы представляем боевую часть. Если у нас начнётся голод, я как командир части не могу гарантировать соблюдения воинской дисциплины, – Громов не давал себя ни запутать, ни разжалобить.

Маканин пыхнул сигарой.

– Да, – сказал он. – Голодная боевая часть – это не только ваша проблема. Это и наша проблема. Однако чтобы принять решение, администрация должна сначала убедиться в серьёзности вашего положения.

– Инспекция? – вскинулся Громов.

– Если это возможно...

– Возможно. И мы будем рады принять комиссию. Единственное ограничение – это допуск. Наша часть – это режимный объект.

Маканин покивал:

– Разумеется, все те, кто войдёт в комиссию, будут иметь соответствующий допуск.

– Тогда я не вижу никаких препятствий для проведения инспекции, – сказал Громов. – Когда вас ждать?

– Думаю, мы навестим вас... – советник полистал настольный календарь, – в пятницу. То есть через три дня. Устроит?

– Вполне.

Маканин вдруг улыбнулся:

– И не вздумайте газоны красить. Наводить «потёмкинскую деревню» не в ваших интересах.

– А у нас нет газонов, – с такой же широкой улыбкой отвечал ему Громов. – Только камень и мох.

На этом они закончили беседу и распрощались с советником Маканиным. Выходя из здания администрации и спускаясь уже по парадной лестнице, Лукашевич наконец-то собрался спросить у Громова:

– Ну и как ты считаешь, Костя, поможет он нам?

– Мне кажется, он ещё не решил...

– В каком смысле? – заволновался Стуколин, вполне уже удовлетворённый тем, чего в ходе переговоров с Маканиным удалось достигнуть.

– У меня сложилось впечатление, что этот Лев Максимович присматривался к нам, – пояснил свою мысль майор. – Может быть, у него есть какие-то идеи на наш счёт. Может быть, никаких идей у него нет. Не знаю. Но он явно хотел убедиться, что мы те люди, за которых себя выдаём...

– Во-во, – подтвердил Лукашевич, – совершенно точно. Мне тоже так показалось.

– Чего-то вы мудрите, ребята, – сказал Стуколин. – За кого же мы можем себя выдавать?

Не бомжи ведь с улицы пришли?

Громов пожал плечами и ответил философически:

– Разве суть человека в том, откуда он пришёл?

– Вот за что я тебя порой очень не люблю, Костя, – сказал Стуколин, – так это за твою манеру говорить загадками. Продукты он даст?

– Скорее всего, даст. Вопрос только, чего он потребует за это?

– А он может чего-то за это потребовать? – агрессивно осведомился Стуколин. – Им мало, что мы рубежи защищаем?

– Теперь, видишь ли, мало, – съязвил Лукашевич.

– Спокойнее, ребята, – осадил их Громов. – Поддержку советник нам окажет. Это сейчас главное. Всё остальное – потом.

– Что? Что «потом»? – продолжал волноваться Стуколин.

– Поживём – увидим, – сказал Громов. – Поживём – увидим...

Глава пятая

Потенциальный противник

(Лэнгли, округ Колумбия, США, август 1998 года)

«Адмирал Грир» по праву считался одним из лучших ресторанов в Лэнгли. Подчёркнуто скромный стиль (без «левых» плакатов и бронебойной музыки), традиционная и очень здоровая кухня, индивидуальные кабинки с хорошей звукоизоляцией, и сам хозяин – старина Макс – верный служака разведывательного управления, прошедший когда-то огонь и воду, помнивший самого Даллеса¹¹ и умеющий держать язык за зубами. В общем, заведение пользовалось у сотрудников ЦРУ заслуженной популярностью. Некоторые из них даже считали его своим. То есть так и говорили: «Это моё заведение». И вот что любопытно, в разное время «своим» ресторан Макса называли сотрудники совершенно разных подразделений, но всегда – тех, где на текущий момент было особенно «горячо». Скажем, лет шесть-семь назад у Макса было не протолкнуться от советологов, теперь же основу изголодавшегося контингента составляли специалисты по Ближнему Востоку и мусульманским странам. Таким образом, достаточно опытный аналитик чисто на основе статистики посещаемости ресторана «Адмирал Грир» мог бы сделать вывод о международном положении в целом и о приоритетных направлениях работы разведывательного управления в частности. Хотя кому это интересно? Ведь точно такой же вывод можно сделать, просмотрев утреннюю газету.

Двое, расположившиеся в отдельном кабинете «Адмирала» с видом на Потомакскую долину, также принадлежали к безликому племени аналитиков специального отдела ЦРУ, разрабатывавшего «мусульманскую проблему».

Джон Мур, седеющий мужчина средних лет, когда-то – выпускник Йельского университета¹² с дипломом специалиста по турецкому языку и литературе, занимался соответственно Турцией и её ближневосточными политическими союзниками. Мур был многодетен, состоял членом десятка клубов и носил бороду.

Роберт Фоули, разделивший с ним сегодня обед и кабинет, в противоположность Муру был молод, холост и гладко выбрит. Клубы он не посещал, предпочитая им весёлые вечеринки «для всех» и спортивные состязания. К тому же диплом он получал не в Нью-Хейвене, а в Бостоне, и занимался не Турцией, а новыми мусульманскими странами, появившимися на карте мира после развала Советского Союза.

Однако, несмотря на столь вопиющую разницу в возрасте, общественном статусе и в интересах, Фоули и Мур уже года три ходили в закадычных друзьях, и взаимоотношения их строились не по схеме «отец-сын», или, скажем, «начальник-подчинённый», а на принципах полного равенства и обоюдостороннего уважения. Местом же их постоянных встреч и бесед стал именно «Адмирал Грир», куда оба наведывались по два раза в день: в обеденный перерыв и по окончании рабочей смены.

За обедом они беседовали прежде всего о политике, и вот тут-то и находилась точка соприкосновения этих столь непохожих друг на друга людей. Оба они были «настоящими американскими патриотами», то есть поругивали японцев и европейцев, которые «забыли, кто выиграл Вторую Мировую войну», высказывались в цинично-презрительном духе о странах

¹¹ Даллес, Аллен Уэлш (1893–1969) – руководитель американских секретных служб в Европе, с 1953 по 1961 возглавлял Центральное разведывательное управление США.

¹² Йельский университет – старейший частный университет в США, находится в Нью-Хейвене (штат Коннектикут).

«третьего мира», открыто ненавидели славян и коллекционировали анекдоты о политкорректности. Оперативной информацией им делиться не приходилось, поскольку, во-первых, это не поощрялось непосредственным начальством, а во-вторых, в том до сих пор не было особой нужды. Однако сегодня, тёплым днём в конце августа, такая нужда возникла.

Инициативу проявил Мур. Закончив с обедом и промокнув губы салфеткой, он спросил своего приятеля:

– Слушай, Боб, ты до сих пор занимаешься этими гоблинами?

– О каких гоблинах ты говоришь? – уточнил Фоули, мучающий вилкой фирменный военно-морской стейк.

– О тех самых, – пояснил Мур, – у которых на гербе два автомата Калашникова.¹³

– А-а, – понял Фоули, – конечно. Ими я как раз и занимаюсь.

– Тогда позволь спросить, наши агенты в той стране есть?

– Конечно, – Фоули улыбнулся. – А ты сомневаешься?

– Они из местных?

Фоули дожевал стейк, а салфетку скомкал в кулаке.

– Кроме резидента, все из местных. А к чему ты это?

Мур помедлил, затем, отвернувшись от приятеля, глядя на Потомакскую долину и понизив голос, сказал следующее:

– Видишь ли, Боб, в начале этого месяца в одной из самых дрянных гостиниц города Трабзона¹⁴ состоялись переговоры между представителями двух спецслужб. Переговоры были тайными, и обе стороны подготовились к ним основательно. Не учли они только одного: хозяин этой гостиницы – наш старый и проверенный агент.

Фоули кивнул. Он верил в то, что его «контора» является самой могущественной организацией на Земле, потому принял слова Мура как должное: от ЦРУ в мире нет и не должно быть секретов.

– Через час после окончания переговоров, – продолжал между тем Мур, – полный отчёт о них лежал у меня на столе. Прежде всего обращал на себя внимание состав участников. Турцию представлял заместитель военного министра. Тот самый из его заместителей, который занимается секретными операциями в странах, граничащих с Турцией. Твоих подопечных представлял человек, известный под псевдонимом Чёрный Пёс.

Фоули присвистнул.

– Сам... Чёрный Пёс?

– Именно Чёрный Пёс.

– Он уже больше года не покидал столицу.

– На этот раз он изменил своим правилам.

– Чего ему было нужно в Турции?

– А вот ради этого я и затеял весь разговор, – сообщил Мур. – Как ты, наверное, знаешь, мы живём в преддверии новой войны. Собственно, она уже началась – эта война за передел сфер влияния. И Турция хочет первой ухватить лакомый кусок. В настоящий момент турецкими спецслужбами ведётся игра по двум базовым направлениям: Крым и нефтепровод. И тут им, как кость в горле, Россия. Нейтрализовать русских может только по-настоящему серьёзная заваруха – и не вялотекущая кампания, а вторжение армии чужого государства. И в этом смысле мои подопечные очень рассчитывают на твоих.

– Неужели они решились? – не веря, не желая в это верить, переспросил Фоули.

¹³ Речь идет о Федеративной Республике Народов Кавказа – независимом мусульманском государстве, объединившем несколько национальных автономий, расположенных на территории Кавказа и Закавказья; авторский вымысел.

¹⁴ Трабзон – город-порт на севере Турции, на побережье Чёрного моря.

– Да, они решились, – подтвердил Мур. – Они считают, что сейчас самый подходящий момент для вторжения. Российская армия деморализована, президент болен, пик экономического кризиса. У России сейчас нет ни сил, ни желания себя защищать.

– Но, надеюсь, сами турки на это не пойдут?

– Естественно. До тех пор, пока Турция в НАТО, любое подобное действие с их стороны мы легко заблокируем. Потому им и понадобились твои гоблины. Чтобы обделать всё чужими руками.

– Какого рода военная помощь будет оказана?

– Четыре сотни кадровых офицеров, почти тысяча военных специалистов самого разного профиля, амуниция, продовольствие.

– Оружие?

– Оружия не будет. Заместитель военного министра был твёрд в этом вопросе. Поставки больших партий современного вооружения не могут пройти незамеченными и вызовут вопросы. Всё остальное можно списать на гуманитарную помощь.

– Каким образом будут осуществляться поставки «продовольствия»?

– До начала боевых действий – через нашу базу в Будё.¹⁵

– Норвегия, – сообразил Фоули. – Не слишком ли сложно для гоблинов?

– Не сложно. Это же классическое прикрытие. Прямо как по учебнику. Чем дальше находится пункт назначения от пункта отправки, тем меньше оснований увязать одно с другим. Турки попросят у русских предоставить им воздушный коридор для переброски грузов сугубо мирного назначения, и у тех не будет оснований для отказа. Транспортные самолёты будут проходить над российской территорией и делать промежуточную посадку в столице твоих гоблинов. Оттуда – уже порожняком – они отправятся в Турцию. Вся операция продлится около месяца, и никто ничего не успеет понять.

Фоули задумался.

– У тебя есть какие-то предложения? – спросил он.

– Рано ещё говорить о предложениях, – сказал Мур. – Я, к сожалению, имею весьма смутное представление о том, что из себя представляют твои гоблины. До сих пор они меня мало волновали. Но теперь, как видишь, всё изменилось...

Фоули оценил искренность коллеги. Сообщая ему оперативную информацию, Мур мог рассчитывать на встречную любезность.

– Что конкретно тебя интересует? Я отвечу на любой вопрос.

– В первую очередь, расскажи мне о военном потенциале гоблинов. Как долго они смогут вести боевые действия против русских без дополнительных поставок?

– Сейчас они сильны как никогда, – признал Фоули, поразмыслив с минуту. – Милитаристская политика даёт себя знать. При населении в шесть миллионов человек на постоянной военной службе находится почти полмиллиона. Тотальная мобилизация даст ещё столько же. Итого – миллион головорезов. Стрелкового оружия у гоблинов хватит на четыре таких армии: русские, уходя, оставили шесть складов стратегического назначения. С тяжёлым вооружением и миномётами – ситуация посложнее, зато они располагают прекрасными военно-воздушными силами. Военная авиация – вообще любимая игрушка их безумного президента. Шесть эскадрилий по 20 самолётов в каждой – не всякая европейская страна может похвастаться подобным «парком».

– Где они их достали? – удивился Мур.

– Купили, – ответил Фоули с непонятной усмешкой. – Частью у тех же русских. Платили долларами и золотом.

¹⁵ Будё – город-порт в Северной Норвегии. В двух километрах юго-западнее города Будё находится военно-воздушная база НАТО.

– Какие самолёты находятся у них на вооружении?

Фоули начал перечислять, загибая пальцы:

– Две эскадрильи бомбардировщиков «Фенсер-Д»,¹⁶ эскадрилья разведчиков «Фоксбэт-Б»¹⁷ и три эскадрильи истребителей «Фоксбэт-А».¹⁸ Кроме того, не так давно и по совершенно смехотворной цене были приобретены два палубных перехватчика «Флэнкер».¹⁹ Однако в войска они не поступили. Это предмет личной гордости президента, гвардейские самолёты.

– Понятно, – сказал Мур. – Но я вижу, что, кроме гвардейских самолётов и бомбардировщиков, у них сплошное старьё. Превосходства в воздухе они не получают.

– Как сказать... Русские тоже затаили с перевооружением своей армии.

– Что-нибудь ещё? – поинтересовался Мур, когда его приятель замолчал.

– В общем, всё. Есть, правда, неподтверждённая информация, что гоблины собираются купить подержанный крейсер, но я, признаться, этому не верю: бюджет у них всё-таки не резиновый.

– Значит, в какой-то степени гоблины готовы к войне, – подытожил Мур. – Это очень серьёзно, Боб, очень серьёзно. И мы должны их остановить.

Фоули встрепнулся.

– Поясни, пожалуйста, свою мысль, – попросил он очень осторожно.

– Ты прекрасно знаешь моё отношение к русским и прочим братьям-славянам. Я жду не дождусь, когда эта страна провалится в ад. Но конец России должен наступить только тогда, когда *мы* этого захотим, а не турки со своим нефтепроводом. Ты слышал о плане «Форс-мажор»?

– Разумеется, – не стал отпираться Фоули.

Все, кто в разведывательном управлении работал с Европой или Ближним Востоком, что-нибудь да слышали о секретном плане «Форс-мажор». План этот, о котором большинство сотрудников имели только самое общее представление, включал в себя ряд мер, завершающих глобальную программу по уничтожению российской государственности. Программа была разработана не так уж давно – в то самое время, когда стало ясно, что русские не способны более сопротивляться какому-либо внешнему влиянию, что сама Федерация трещит по швам и что если ситуацию не взять под контроль, дело может закончиться всемирной катастрофой. Некоторые из сотрудников управления даже считали план «Форс-мажор» благодеянием, видом помощи, которую собирается оказать великодушная Америка умирающей России. При этом, разумеется, во внимание не принималось, что во многом умиранию России способствовали сами Соединённые Штаты, добивавшиеся превосходства во что бы то ни стало.

Действия, предусмотренные планом «Форс-мажор», были отнесены на начало 2000 года. И Фоули сразу понял, на что намекает Мур: война России с маленьким, но агрессивным государством могла помещать плану реализоваться. А если к тому же Россия вдруг сумеет победить, то это будет... это будет... это будет совсем другая Россия!

– Кхм-м, – высказался Фоули, – ты разговаривал с боссом?

– Разговаривал, – отозвался Мур с плохо скрываемым отвращением. – Он не хочет ничего слышать. Он же демократ. У него одно на уме – ширинка президента.²⁰ Мы должны всё сделать сами.

Фоули поколебался. Он догадывался, что его втягивают в авантюру, но обратного пути уже не было.

¹⁶ «Фенсер-Д» (Fencer-D) – по классификации НАТО фронтовой бомбардировщик «Су-24М».

¹⁷ «Фоксбэт-Б» (Foxbat-B) – по классификации НАТО разведывательный самолёт-бомбардировщик «МиГ-25РБ».

¹⁸ «Фоксбэт-А» (Foxbat-A) – по классификации НАТО истребитель-перехватчик «МиГ-25».

¹⁹ «Флэнкер» (Flanker) – по классификации НАТО палубный истребитель-перехватчик «Су-27К» («Су-33»).

²⁰ В период судебного разбирательства, связанного с сексуальными домогательствами президента Билла Клинтона по отношению к Монике Левински, президент получил прозвище «Ширинка».

– Что ты конкретно предлагаешь? Каким образом мы можем остановить агрессию?

Мур оживился:

– Свяжись со своим резидентом у гоблинов. И поговори с ним. Но только так, чтобы об этом разговоре знали только два человека: он и ты. В ходе беседы подкинь ему информацию о состоявшихся переговорах, о Чёрном Псе и заместителе военного министра. Намекни, что неплохо было бы организовать контролируемую утечку по факту переговоров. Исходить утечка должна из какого-нибудь солидного учреждения гоблинов, желательно – из министерства безопасности. В итоге информация дойдёт и до турок, и до русских. Турки вряд ли остановятся на полпути, а вот русские, надеюсь, задумаются. Если то, чем думают, у них ещё не атрофировалось.

Фоули подумал, что, даже собираясь помочь русским, Мур не смог удержаться от колкости в их адрес. Что ж, тут он полностью разделял мнение приятеля. Его беспокоило другое.

– Нет ли в этом нарушения субординации? – уточнил на всякий случай он.

– «А ты сомневаешься?» – процитировал Мур сказанные в начале беседы слова приятеля. – И не только субординации. Но мы разведчики, а не тупоголовые вояки, степеней свободы у нас больше. Или ты считаешь иначе?

– Хорошо, – подытожил Фоули. – Я сделаю это. Я согласен организовать утечку.

– О'кей, – Мур буквально расцвёл. – Тогда больше ни слова. Ни о Турции, ни о гоблинах.

Они покинули кабинет, направляясь каждый по своим делам. На выходе из ресторана Фоули взглянул на часы. Беседа продолжалась ровно пятнадцать минут.

Эти двое аналитиков не знали и знать не могли, что их инициатива – выстрел вхолостую. Дело в том, что владелец второсортной гостиницы в портовом городе Трабзоне, которого Джон Мур считал «проверенным агентом» ЦРУ, на деле сотрудничал ещё с доброй дюжиной различных спецслужб, среди которых числилось и Главное разведывательное управление Российской Федерации, широко известное под аббревиатурой ГРУ.

Глава шестая

Ответный визит

(В/ч 461-13 «бис», полуостров Рыбачий, август 1998 года)

То, что визит представителей администрации города Мурманска был тщательнейшим образом спланирован, продуман и подготовлен, Лукашевич понял не сразу. Точнее, он понял это только в тот момент, когда на авансцене появилась толстая кожаная папка, из которой советник Маканин стал извлекать одну за другой копии личных дел офицеров части 461-13"бис", раскладывая их на столе с таким видом, будто сдаёт карты.

Утром всё выглядело совершенно иначе. Комиссия в составе шести человек прибыла на двух автомобилях: чёрной «волге» и уже знакомом «мерседесе» цвета «мокрый асфальт». Встречали её Громов и Усачёв, остальные офицеры занимались текущими делами.

Из «мерседеса» выбрался сам советник Маканин, его сопровождали незнакомый полковник ПВО и некий нервный тип в гражданском, который поминутно озирался по сторонам и что-то невнятное бормотал себе под нос. Маканин представил их офицерам. Полковник оказался штабным работником по фамилии Зартайский, а нервный тип – аналитиком из администрации, его звали Фадеев.

Из «волги» вылезли ещё трое «гражданских». Один из них, высокий и седой, в синем деловом костюме, был представлен Маканиным как депутат городского собрания, глава комитетов по вопросам конверсии, защите материнства и детства и прочая-прочая-прочая в том же духе. Следующий персонаж был ещё более колоритен – с густой окладистой бородой, смахивающий на монаха – он оказался делегатом от Мурманского Общества ветеранов. Несмотря на бороду, дать больше сорока Громов ему не смог бы и задумался, что это за ветеран такой – в сорокалетнем возрасте? Протянув представителю Общества руку и ощутив небывалую крепость рукопожатия, Громов догадался, что перед ним, вероятно, бывший спецназовец, и тогда вполне можно объяснить, почему он ветеран в сорок лет: со Второй Мировой Россия пережила ещё множество войн, как явных, так и тайных, и рядовому личному составу войск специального назначения досталось в этих войнах по полной программе.

Но тут майор Громов забыл и о колоритном ветеране-спецназовце, и о своих соображениях по поводу новейшей военной истории. Потому что шестым, и последним, членом комиссии оказалась высокая и стройная блондинка, при взгляде на которую перехватило бы дух и у более закалённого бойца, чем наш молодой майор.

Одета девушка была просто: джинсовый костюм, широкий кожаный ремень, высокие шнурованные башмаки, на голове – армейский берет. Самое удивительное, что все эти неприличные аксессуары лишь подчёркивали её очарование.

– Это наша Зоя, – представил девушку Маканин, лукаво улыбаясь.

Громов кашлянул, скрывая смущение.

– В чём дело, Лев Максимович? – спросил он строго. – Ведь я же предупреждал, что у нас режимный объект.

– Всё улажено, – замахал руками господин советник. – Вот бумаги. Подписано Свиридовым. Вам этого будет достаточно?

Громов, косясь на девушку, ознакомился с содержанием переданных ему бумаг. Оказывается, Маканин заручился поддержкой своей инициативы не у кого-нибудь, а у самого командира авиаполка «Заполярье» Александра Свиридова. Это было весомо.

– И всё-таки... – начал было Громов, но остановился. В конце концов, что-нибудь изменится от того, что в состав комиссии включили молодую и симпатичную женщину?

К тому же майор понимал, что советник Маканин не из простых и, значит, лишних людей здесь нет: все они прибыли для того, чтобы решить недавно сформулированную проблему, и эта молодая женщина – в том числе.

– Зоя – наш эксперт по современным вооружениям, – пояснил господин советник.

Громов удивился было, зачем вдруг Маканину понадобился эксперт по вооружениям, но уточнять ничего не стал.

– Добро пожаловать, – сказал он Зое.

Та в ответ улыбнулась. Громов заметил, что улыбка эта получилась не совсем живой – вежливой, но не живой – словно эксперт по современным вооружениям не привыкла улыбаться и всегда делала это через силу. Громов сразу потерял к ней интерес.

«Валькирия, – подумал он. – Ещё одна валькирия».

Громову приходилось иметь дело с женщинами в военной форме. Опыт этот был печален. В конце концов майор пришёл к выводу, что всех женщин, добровольно решивших посвятить себя военной службе, можно разделить на две категории: валькирии и маркитантки.

К первой категории относились те, кто лелея какие-то свои потаённые комплексы, уходит от привычной и скучной жизни в мир, как им кажется, «сильных ощущений». Они панически боятся мужчин, но страх этот не выказывают, компенсируя его озлобленностью. Нет ничего страшнее для бойца, чем оказаться в подчинении у такой валькирии.

Второй тип – маркитантки – идут в армию примерно за тем же самым, только вот «сильные ощущения» они понимают по-своему. Зная прекрасно, как трудно приходится бойцам без женской ласки, какая степень помрачения рассудка может наступить в результате «спермотоксикоза», они пользуются этим на полную катушку, меняя мужиков каждую ночь и требуя оплаты в виде различных поблажек и услуг. Сексуальная ненасытность и бездумная капризность – вот каковы, по мнению Громова, были отличительные признаки современных маркитанток.

– Что ж, ведите нас, товарищ майор, – обратился советник Маканин к Громову.

– Прошу, – сказал Константин, подводя гостей к шлагбауму контрольно-пропускного пункта. – Что вас прежде всего интересует? – поинтересовался он у Маканина, когда гости оказались на территории части.

Маканин приостановился, поднял руку и как-то неопределённо пошевелил пальцами у Громова перед носом.

– Я вам полностью доверяю, – заявил господин советник. – Показывайте только то, что сочтёте нужным показать.

Громов растерялся. Чего добивается Маканин? Если эта инспекция – пустая формальность, зачем было её затевать? А если не пустая и не формальность, то откуда такое пренебрежение маршрутом экскурсии?

Выручила его «валькирия» по имени Зоя.

– Я бы взглянула на ваши истребители, – сказала она, всё так же бледно и вежливо улыбаясь.

– Пожалуйста, – с лёгким сердцем согласился Громов, и вся компания направилась к ангарам.

В этот момент у открытых ворот ангара номер два сержант-сверхсрочник Женя Яровенко рассказывал старшему лейтенанту Алексею Лукашевичу очередной анекдот из жизни военной авиации.

– ...Взлетает, значит, американец, – рассказывал Женя, руками изображая, как тот взлетает. – Эф, скажем, шестнадцать. Взлетает он и докладывает на базу: «Значит, такой-то взлетел, следуя в указанный квадрат». Диспетчер ему отвечает: «Вас, значит, понял. Записываю:

такой-то следует в указанный квадрат». Через некоторое время, значит, снова эф-шестнадцатый докладывает: «Я такой-то, вхожу в указанный квадрат». Ему снова отвечают: «Вас, значит, понял. Записываю: такой-то входит в указанный квадрат». Ещё, значит, через несколько минут эф-шестнадцатый докладывает: «Вижу „МиГ“! Вижу „МиГ“!». А ему отвечают: «Вас понял. Вычёркиваю».

Лукашевич засмеялся.

– Хороший анекдот, – оценил он. – Жизненный.

– Смотри-ка, старший, – Яровенко непроизвольно встал навытяжку. – Комиссия к нам, что ли?

Лукашевич поглядел и тоже подобрался:

– Точно. Они.

Комиссия в сопровождении Громова и Усачёва приблизилась к ангару. Лукашевич одёрнул форменную куртку и доложил своему командиру по уставу. Громов выслушал, сказал: «Вольно» и попросил старшего лейтенанта показать «машину». Лукашевич выказал готовность показать и рассказать. Когда комиссия проследовала в ангар, инициативу перехватила эксперт по современным вооружениям Зоя.

– Итак, что у вас тут? – потребовала она отчёта.

Лукашевич оценивающее взглянул на неё. Он, в общем, разделял мнение своего друга и непосредственного начальника о том, что из себя представляют женщины на военной службе, и тоже отнёс Зою к категории «валькирий», но её мордашка и всё остальное ему понравились, и он решил познакомиться поближе. Для начала выяснив, насколько она компетентна в своей области.

Повернув рубильник, Лукашевич включил свет, похлопал стоящий в ангаре самолёт по фюзеляжу под срезом воздухозаборника и начал лекцию:

– Тут у нас многоцелевой истребитель «МиГ-23», модификация – «МЛ». Сейчас он зачехлён, но в течение нескольких минут может быть приведён в состоянии полной боевой готовности...

– «Двадцать третий»? – переспросила Зоя и недовольно поморщилась. – Это же старьё. «Бронетранспортёр с крыльями».

Человеку, далёкому от проблем военной авиации, могло бы показаться странным сравнение истребителя с бронетранспортёром. Однако Лукашевич понял, что имеется в виду. Так «МиГ-23» называли американцы. За один из главных его недостатков – очень узкий обзор из кабины лётчика. Подобное сравнение говорило в пользу Зои – она, судя по всему, разбиралась в предмете – однако само её пренебрежительно-брезгливое отношение к любимой «машине» Лукашевича вызвало у того вспышку злости.

– А знаете ли вы, – агрессивно осведомился он, – что «МиГ-23» – единственный самолёт в истории авиации, пролетевший две тысячи километров без пилота и упавший только после полной выработки топлива?

Это была знаменитая байка. В 1989 году газеты Западной Европы облетело сенсационное известие. В одном из густонаселённых районов Бельгии недалеко от города Куртрэ упал боевой самолёт «МиГ-23» с советскими опознавательными знаками. Но ещё больше шума вызвали подробности происшествия. Как выяснилось, за несколько часов до падения машины, в момент взлёта на территории Польши, из неё катапультировался лётчик – полковник и замполит части – Николай Скуридин. Истребитель самостоятельно набрал высоту и полетел себе на запад. И никто его не сбил. Генерал-лейтенант Шапошников, комментируя происшествие, тогда заявил: «Случай, по нашим данным, в истории боевой авиации уникальный. По крайней мере, я не припомню, чтобы машина, покинутая пилотом, совершила столь далекий неуправляемый полет. Мы сами удивлены тем расстоянием, какое он сумел пройти. Дальность оказалась выше, чем предполагали».

– Да, я знаю про этот случай, – сказала Зоя.

Но Лукашевич не удовлетворился одним примером. Под поощрительным взглядом Громова он выдал вторую байку.

Вторая байка тоже заслуживала внимания. Ничуть не меньшего, чем первая. Произошла она в истребительном полку ПВО, базирующемся на аэродроме Стрый. Во время учебного ночного перехвата истребитель «МиГ-23» оказался несколько выше цели, но на расстоянии визуальной дальности. В ночное время пилоты определяют это расстояние по пламени, выходящем из сопла самолёта противника. Лётчик доложил на командный пункт, что видит цель и начинает сближение. Как выяснилось позднее, он ошибся, приняв за самолет отражение Луны в озере. Однако к тому моменту, когда на КП сообразили, что «МиГ» атакует ложную цель, он успел войти в пике, преодолел два звуковых барьера и подходил уже к третьему. Но самое удивительное заключается в том, что на этой безумной скорости (три Маха!) пилоту удалось вывести самолет из пикирования и без каких-либо проблем вернуться на свой аэродром. Последствия сумасшедшего манёвра были ужасающими: обшивка в хвостовой части фюзеляжа стала гофрированной, смялась, а на стабилизаторе и руле направления она частями и вовсе отсутствовала. Истребитель после этого вылета пришлось списать. Что стало с пилотом, история умалчивает.

– Какие-то странные примеры вы мне приводите, – заметила Зоя, презрительно поморщившись. – Катастрофы, аварии, всеобщая безалаберность... Это всё, что вы можете сказать в защиту вашего старья?

Лукашевич почувствовал себя идиотом. В самом деле, чего это он? Катастрофы, аварии... Но и приводить лётно-технические характеристики без каких-либо комментариев казалось не слишком уместным. Верный путь ему подсказал некий бородатый и крепкий субъект в «ветровке» (Лукашевич ещё не знал, что это бывший спецназовец и представитель Общества ветеранов). Бородач выдвинулся вперёд и пробурчал, глядя прямо на Зою:

– «Бич» – отличная модель. Испытанная боем. Он и в Афгане нам помогал, и в Ливане, и ещё кое-где...

Где конкретно находится это «кое-где» бородач уточнять не стал, но Лукашевичу и уже высказанного оказалось достаточно, чтобы перевести лекцию в более продуктивное русло. В училище они подробнейшим образом изучали все боевые операции, в которых принимали участие советские истребители. Лукашевич ухватился за идею, подброшенную бородачом, и с ходу выдал краткий обзор по применению «МиГ-23» во время сирийско-израильской войны за контроль над Ливаном. Для начала старший лейтенант вкратце обрисовал ситуацию, сложившуюся в ходе этого затянувшегося конфликта вокруг поставок сирийцам советского вооружения. До того израильские войска били дружественных нам арабов в хвост и в гриву, но после того, как советское руководство передало Сирии тридцать машин модели «МиГ-23БН» и «МиГ-23МФ», положение на фронтах переменилось. Впору вспомнить анекдот, рассказанный несколько минут назад Женей Яровенко: «Вижу „МиГ“! Вижу „МиГ“!» – «Вас понял. Вычёркиваю».

Израильские «Ф-15»²¹ и «Ф-16»²² наконец-то столкнулись с равным (а в чём-то и превосходящим) противником. И теперь уже не сирийцы сыпались с неба, посылая проклятья воинственному иудейскому богу, а сами сыны колен Израилевых в пламени и дыме заваливались в предсмертное пике. «МиГи» показали себя первоклассными истребителями, способными вести воздушную войну как с наземной поддержкой, так и совсем без оной.

²¹ «F-15» («Eagle») – тактический истребитель производства авиакомпания «Макдоннелл-Дуглас».

²² «F-16» («Fighting Falcon») – многоцелевой истребитель производства авиакомпания «Дженерал Дайнемикс» (теперь – «Локхид»).

– Во-во, – подытожил бородатый ветеран, выслушавший лекцию Лукашевича вместе со всеми, – проверенная машина. А ваши новомодные «сухие» ещё не известно, как себя в бою покажут. Пока ведь только фигуры крутят, а это любой щенок на планере проделать может.

Лукашевич и тут имел своё мнение (новейшие истребители КБ Павла Сухого он уважал), но высказывать его пока не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.